
Валерий Пискунов

ПОЛИТЕН

Рассказ

Политен — это его электронный *пот* и не имеет никакой связи с политикой; Политен производит *пот* от латинского корня *politus*, а себя причисляет к художникам шлифовки и полировки. На самом деле и герой, и его *пот* имеют прямое отношение к метрополитену.

Первородное имя героя — Тимофей. Ему 27 лет, проворный, расчетливый и взыскательный эротоман. Перед ним экран монитора, на котором разноцветная нервная сеть, — допустим, московского метро. Кончиком курсора он покалывает нервные тяжи радиальных линий, но больше и благодущнее нервирует себя. Политен охотится в недрах благоустроенного подземного лабиринта; он коллекционирует любовные интрижки, эстетически сообразуясь с цветовой гаммой метро. Вот стрелочка курсора уколола серую радиальную: этот нерв соединил его позапрошлой осенью с высокой сухой девицей, ассистенткой в каком-то Институте образов и прообразов. Многослойная, она шелестела и бесконечно перелистывалась в его руках. Он так и не добрался до ее стволовой сердцевины. А вот (кончик вонзился в красный изломанный нерв) — кафельная прогулка по малоллюдному перрону; навстречу — в полупарандже, мелкой плывущей походкой, лицо цвета горного снега, парящие дуги черных бровей, из-под широких призакрытых век сосредоточенный, подстерегающий взгляд. Она спланировала со склонов Дербента и не сразу далась ему, гортанно смеялась и отвиливала. Мускус ее волос, угловатая неразбериха локтей и коленок. По всему телу дрожь, как будто каждая мышца готова лопнуть, раздаться и всадить его в себя. Отжавшись, она закуривала, курила быстрыми затяжками, но это было не отдохновение, это был всего лишь перекур.

Политен сморгнул воспоминание, хмыкнул носом и подключил себя к Равелю. Следуя душой за идущим от корней ритмом, он смотрел через окно на верхушку апрельского тополя. Он никогда не искал виртуальных знакомств, а сейчас просто переживал, когда косяки идущей на рублевый нерест сельди схлынут и подземка начнет дышать свободнее. На тополе объявилась сорока: передразнивая завершающие аккорды болеро, стала восходить, прыгая с ветки на ветку. У вершины, где трепетала небесная синева, птица развернула два веера крыльев, оттолкнулась и всей белой грудью налегла на солнечный свет.

Пискунов Валерий Михайлович родился в 1949 году. Автор четырех книг. Рассказы, повести и романы публиковались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов». Член Союза российских писателей. Живет в г. Ростов-на-Дону. Предыдущая публикация в «ДН» — 2018, № 5.

На тротуаре асфальт подсыхал, только трещины держали влагу. Сигарета в пальцах Политена нежно и покорно тлела, его взгляд был легким и рассеянным. Фиолетовая дымка дрожала над пустым цветником, редкая турмалиновая дворняга пересчитывала машины у перекрестка. В окнах газетного киоска стыл густой осадок лиц, грудей, поз. Из-за киоска вынырнул и пошел навстречу симпатичный парень в черной куртке, в джинсах на кроссовках. Он целенаправленно улыбался, и Политен сразу понял, кто цель его улыбки, и забеспокоился. Шага за два парень сделал полудугу и остановился. Политен отстраненно глянул на него и тоже замер. Парень заговорил, он произносил слова в интеллигентных оборотах, он смотрел в глаза и извинялся. Просил прощения за то, что не может вразумительно обозначить причину приставания: дескать, само начало жизни неизвестно, а его собственное — в высокой степени неопределенности, и поэтому их встреча и его просьба выглядят так глупо. Он опять извинялся и бормотал что-то про то, как хочет преодолеть релятивизм этой нечеловеческой случайности и надеется, что визави сердечно вникнет в суть его просьбы и поймет, как тяжело просить сигарету в атмосфере межличностной аннигиляции... Политен, отстраняясь, протянул ему всю пачку; парень вежливыми цепкими пальцами выдернул одну сигарету, но тут же, как бы сглотив смущение, выцарапал еще одну: «Сладкая парочка!» — он осклабился и отстал.

Политен вошел в метро, вдохнул запах подземной вентиляции и с нею выдохнул воспоминание о попрошайке. Сегодня он нацелился на фиолетовый нерв. Прихоть художника. Пушкинская облегченно просматривалась, и Политен встречал вагоны, принимал породу на лоток, быстро оглядывал и откидывал. Один раз попался камешек черного халцедона — лобастая негртяночка, вкрадчивая походка, агатовые радужки на желтом белке, но пупырчатое, неотшлифованное личико покорило.

Он обратился к эскалаторам, приноравливая плывущие вверх спины к плывущим вниз лицам, и вдруг на полупустом каскаде увидел два самоцвета. Они двигались портретной определенностью сначала в миниатюре, потом все ближе и ближе.

Два очаровательных овальных лица; та, что постарше, кудрявая брюнетка, а та, что помладше, лет четырех, легкокудрая блондинка. Лица одно в одно, приближаясь, казали утонченную гравировку голубых глаз и спокойную сосредоточенность. Если бы не разница в возрасте, Политен принял бы их за разноцветных двойняшек. Мама держала дочку за руку, а дочка прижимала тряпичную куколку к левой груди. Вокруг них витала фиолетовая дымка, и у Политена сдвоило сердце. Пока он метался между эскалаторами, двойняшки вышли на платформу. Маленькая остановилась и стала округлыми жестами рисовать, убеждать в чем-то маму, искоса глядя на нее снизу. Мама, тоже взглядом, указала ей на часы.

Они вошли на кольцевую в сторону Баррикадной. Он сел напротив и превратился в невидимку. На маме — бордовый свитер, широкая юбка ниже колен и белые колготки в лодочках на низком каблуке. Политен чуть ли не пальцами ошупал крупную вязку свитера, грубое полотно юбки и вафельную тянучку колготок. Куколка сидела на коленках девочки и таранилась из-под широкополой желтой шляпы. Девочка задумчиво смотрела в пол, и Политен, с той же тактильной тщательностью, оглядел ее синий свитерок под белой жилеткой, темные шорты и белые колготки в кукольных кроссовках.

Он откинулся на спинку, поджал под лавку ноги и теперь уже расслабленно окунулся в их лица. Овальная сосредоточенность. На чем? На ожидании конца поездки или на чем-то более отдаленном? Нежная кожа с розоватой подсветкой, усиливавшей бирюзовое свечение глаз. У мамы на левой щеке темнела алая точка родинки. Лицо дочки было чистое и податливое на каждое движение ее мимики: она что-то прошептала кукле и прижала ее к животу. Политен прикинул дугу до Смоленской: как жить дальше? Как совпасть с тайной их движения? Как подладиться к этой очаровательной двуликой плоти?

Он пошевелился, чтобы выйти из своей невидимости, привлечь их внимание. Мама взглянула на него с тем мимолетным интересом, который вырабатывается скоротечными интервалами подземного долготерпения. Он улыбнулся. Но даже родинка на ее щеке не дрогнула. На Смоленской они вышли; и здесь Политен сыграл в скоротечную рулетку: какой нерв они выберут — голубой или синий? Он смотрел, как они идут: у обеих ладная, твердая и при этом изящная походка — не отторгая пола, но и не доверяя ему. Они выбрали Филёвскую. Политен даже не поморщился. Но теперь надо было как-то зашифроваться, чтобы не попасть под прецизионный взгляд их голубых корундов.

В его компьютере уже были и дом, и подъезд, в котором скрылись мама с дочкой, и Крылатские холмы, и обводнивший холмы гребной канал. Ареал он населял их фотками, снятыми пока что только издали. Дочка и мама у песочницы. Высокая голенастая ель и мама спиной к стволу, дочка на корточках возле. Апрельское солнце гоняет тени по холмам. Мама и дочка на берегу гребного канала, два-три круга разбегаются по воде... Откуда фиолетовая дымка?

Соотнося и сплетая свою память с предуготовленной памятью компьютера, он сучил некую нервную нить из виртуальной пряжи и растрепанной кудели своей влюбленной души. Нить выскальзывала из-под его воли и вилась, вывязывала сеть некой небывало высшей нервной Д: всем своим нутром он тянулся войти в круг их общения, стать третьим другом, обратить на себя их ровно идущие сердца... Чего он хотел? Он грезил, по привычке скабрезно, потом гасил экран, смаргивал подвечные, на глазном дне, картинки и снова — в нутро компьютера. Чего не хватало его виртуальной нервной Д? А не хватало второй сигнальной! Он видел диалог их глаз, краткие реплики губ, но не слышал их голосов. Странно, очень странно. Он стал припоминать, которая из его прошлых пассий (метро) завлекла голосом или оставила по себе память хоть одним словом? — А теперь его так прижало, как будто без голосов крылатских двойняшек он обречен был на душевную немоту.

Слова — это не только уши (сообщал ему робот), это еще и слух, но, того сугубее, это еще и язык. Робот пощелкал памятью и показал язык возбужденного релятивизмом Эйнштейна... На холмах уже зеленела влажная травка. В лесочке полуголые тополя уязвляли вечнозеленую молодость сосен. Среди одичавшего подлеска вдруг выстреливала тонкая самовольная тростинка... Чьих корней? Дятел терапевтически обстукивал еловый ствол. Синички, стреляя трельками, налету преображали звук в цвет и окрашивали свои серые перышки в небесную синеву. Он выходил из лесочка по гулевой тропинке, когда ему навстречу залаял и пошел хищным скоком отвязанный ротвейлер. Хозяйка ковыляла позади.

— Не шевелитесь! — кричала она просительно. — Стойте смирно!

Фиолетовая пасть, розовые глаза. Тимофей никогда в жизни не переживал такого парализующего, унижительного страха.

Ночью уснуть не мог. Сучил холодеющими ногами, поджимал колени. Его возмущало и опять же унижало то, что он оказался беззащитен перед кобелем, поразившим его даже не угрозой укуса, а страхом (ужасом, подсказывал компьютерный робот). И этот ужас-страх вошел в него с такой непосредственностью (с минимальной скоростью, уточнял робот), как будто душа уже готова была принять и объять эту инвазию, а память — оформить и сохранить его в себе на всю жизнь. И, наконец, воля была поражена в правах казавшегося врожденным своенравия.

С этого дня чувства потеряли опору в привычном: впечатления набегали, как сорвавшиеся с поводка. Сознание тоже нервничало, компьютерный сверхразум только усиливал неопределенность: живое сознание билось о стекло и меняло профили. Вторая сигнальная...

А вот за второй сигнальной он буквально вышел на охоту. Он сновал по голубой подземной ветке, подстерегал двойняшек у выхода из метро. Их многоэтажку оглядел и обнюхал все ее углы. Проник в подъезд, вызвал вертикальное метро и обшарил каждую станцию. Его игривый метроном (*nim*, уточнил робот) подсказал переиграть рекламу в кабине лифта своим граффити. Маньяк поостерегся мазать кабину краской, но черным фломастером нацарапал на стенке просьбу обратить на него внимание и оставил электронный адрес. Ждал-пождал. Отозвались: инженер виртуальных душ с предложением трансплантации, проповедник сердобольно призывал принять обращение, а потом — прорвало рекламную канализацию. Робот посоветовал исправить ошибку, и Политен поспешил исполнить поручение.

Он погнал лифт на самый верх, заштриховал свою ошибку, под которой уже размножился скабрезный каламбур: сосок усох росАхос осока раком сос... На верхнем этаже Политен передохнул и пустил кабину вниз. Попахивало собачьими пачулями. Робот спровоцировал перебранку айфон versus смартфон: «тупой гаджет», в ответ — «облако без штанов»; потом острее: «жгучий придурок» — ответ «сушеная треска»... Политен пальпировал экран, пытаясь нащупать шишку шизы разыгравшегося электронного разума, но остроты саморазмножились, противники перешли на жаргон, в котором какая-то лярва плодила отравную икру, а царевна-лягва ее пожирала и спасала мир от гибели. Политен спросил робота: «Что за мансы?» Робот ответил: «Эвфемистический вариант вульгарного конфликта».

Кабина лифта качнулась на упругих пружинах и распахнула двери. Они стояли рядом, мама держала дочку за руку, дочка прижимала куклу. Что они увидели? Молодой шатен в замшевой куртке, джинсах, улыбался и приглашал войти.

— Это первый этаж. Выходите, — строго сказала девочка.

— Мне надо вернуться, — сказал шатен, тыча пальцем вверх. — Кое-что забыл.

— Алиса, входи, — сказала мама.

Девочка вошла и отвернулась. Мама вошла несколько боком.

Политен потянулся к панели: «Вам на какой?»

Он предполагал, что услышит ее голос, который на лету перехватит гаджет и запомнит. Но человек предполагает, а судьба располагает. Ее голос нырнул в него без единого всплеска, нежно коснулся обнаженного корня и отвилнулся. В самой глубине она колебнула в нем память, и он стал искать объяснения такому беспрепятственному, как будто предусмотренному, ее проникновению. Так проникает музыка, полет плицы, тающая льдинка. Ее голос был нежный, но непростой: под овальным куполом контральто дразняще дрожал язычок сопрано, которому резонировал бесхитростный голос строгой Алисы. Голос с подголоском завладели им, выплывали из-под сердца, проникали в уши и, чудилось, звали... Следом память казала две пары ювелирных глаз и ярких маленьких губ.

Политен разрабатывал план тесного знакомства. Пути влюбленной мысли непредсказуемы, поэтому Политен беседовал с роботом и, направляемый его логистикой, искал варианты подхода, подкопа, подлета. Робот неожиданно предложил вариант *подплыва*: он развернул научный обзор открытий в сфере земного зрения и в нем статью Rana rana «Принципы лабораторной лягушки в переработке зрительной информации». Кроме колбочек и призмочек, лягушкины очи наделены волшебными кристаллами, которые расширяют богатство видимого ею мира; плавая в шелках болотной тины, она чувствует себя повелительницей страны грез. Rana rana резюмировал: «Qui fuit rana, nunc est *царевна!*» Политена особенно умилила лягва пипа с перинатальными яслями на спине. Но почему лягушка? Потому что она — рана в сердце Политена.

Теперь он чувствовал себя охотником, удачно поставившим капкан. Блокнотик, который он хитро подбросил гуляющей парочке, виртуально висел в углу экрана. Политен перелистывал его и ждал: в блокнотике были не только заумная белиберда, но и электронный адрес. Он представлял, как мама обихаживает дочку, как они движутся по квартире, переговариваются, дочка что-то назидательно говорит кукле и укладывает ее спать, мама улыбается, кормит двойняшку ночной кашей... Время тревожило Политена, как запаздывающий поезд: цифры на часах предсказывают будущее, а поезда нет.

В блокнотике была не только белиберда. Был предложенный роботом эпиграф: *Schoon ist's vielleicht anderswo, Doch hier sind wir sowieso*. И вот это пребывание *здесь* удручало Политена. В блокнотике были отрывки белковых формул, чипы, вживленные в мозг лягушки, ее перебеги, перескок по траве, по прибрежной жиже и нырок в зеленую заводь. Граница между сушей и водой, где плямкает болотный кисель, впервые взволновала Политена: как уродливое земноводное превращает неуклюжие прыжки по суше в изящное скольжение под водой?

...В десять утра она отозвалась, буквами сообщила, что блокнот г. Политена найден и что он может получить его по согласованию места и времени. В груди Политена забился живчик нетерпения, ему хотелось видеть ее лицо, он придумывал уловки, чтобы она явилась, открылась. Узнает ли она Политена? Он прикрыл лицо медицинской маской и спрашивал, как же они встретятся, если никогда не видели друг друга?

Экран вдруг расцвел ее живым образом. Она несколько мгновений всматривалась в него. Легкая улыбка выказала насмешку тонкой морщинкой под носом.

— Вы что, вивисектор? — спросила она.

Политен смутился, но маску не снял.

— Простите, у меня аллергия.

Он даже изобразил гнусавость и попытался чихнуть.

Она была в белой безрукавке, глаза смотрели ясно, почти не мигали. «Как у лягушки», — подумал он.

— Вы их режете, препарируете?

Робот нашептывал, и Политен выбрал атакующую защиту:

— Поймите, взгляд человека на природу такой узкий и практичный, что природа устала отвечать ему взаимностью...

— И лягушки?

Политен поймал волну вдохновения: «Если в мозг лягушки вживить электроды, мы увидим мир ее глазами! Он во много раз богаче привычного. Представьте ночное небо, наполненное звездами иных созвездий, иных галактик. Лягушки видят даже “черные дыры”, которые так волнуют наших астрономов...»

Из подмышки мамы просунулась голова дочки. И Политен опять удивился их вневозрастному, как бы геометрически соотнесенному сходству. Дочка скорчила гримаску презрения и заговорила:

— Эту сказку счастливую слышал
Я уже на сегодняшний лад:
В чисто поле Иванушка вышел
И стрелу запустил наугад.
Он пошёл в направлении полёта
По серебристому следу судьбы
И попал он к лягушке в болото
За три моря от отчей избы...

По голове и спине Политена заструились мурашки, он подумал, что эта младенческая декламация — удачно смонтированный мультфильм.

— «Пригодится на доброе дело...»
Завернул он лягушку в платок,
Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток...

Глаза девочки округлились и пылали холодным синим огнем.

— В долгих муках она умирала,
В каждой жилке стучали века,
И улыбка познания играла
На счастливом лице дурака.

Мама успокаивала дочку, воркуя напевала: «Алиса, ну, не пугай дядю». Но девочка отглаткивала ее руку и требовала: «Пусть он снимет маску!»

Знакомство состоялось сухо, по-чеховски. Теплые легковесные погоды соблазнили сирень, она высунула зеленые язычки. Политен вышел из оранжереи подземки и вдохнул запах Крылатских холмов. Солнце на полдень, удивительное безлюдье. Солнце поливало траву на холмах, свет по траве стекал в синие заводы канала. Алиса приседала к воде и подбрасывала ладонями ленивые брызги. Мама взяла дочку на руки, стянула с нее шорты, сама по-бабьи подоткнула юбку, разулась и вошла в воду. Держа дочку за тонкие длинные руки, окунула ее и раз, и два... Политен вчуже ощутил холод под самое сердце и радость оказаться на травяном берегу.

Он подождал, пока мама переоденет дочку.

— Здравствуйте! Открываете сезон?

Обе взглянули: мама с полуулыбкой, девочка из-под ресниц.

— Она любит воду, — отозвалась мама. — Плавает, как лягушка.

Политен сел на траву и сказал:

— Лягушку зовут Алиса. Меня — Тимофей. А как зовут маму?

Алиса подскочила, быстро надела сандалии и строго сказала: «Не отвечай! Я его узнала, это лифтер!»

В самом деле, мама тоже узнала его, но теперь шатен был в бежевом свитере, настойчивый взгляд небольших карих глаз смягчала легкая улыбка.

— Таня, — назвалась она и подтолкнула дочку: — Побегай, согрейся.

Детской упругой рысцой Алиса побежала вдоль берега. Они посмотрели друг на друга внимательно, взглядом проникая во взгляд. Она улыбнулась; и его поразила четкая, почти нечеловеческая гравировка синих радужек ее глаз. Сердечный живчик желания аж напрягнул ножки для прыжка. Она же по-женски приняла его чистое, без ужимок, лицо и чувственно, как у подростка, назревающие глаза. Они успели перекинуться несколькими фразами, как Таня отвлеклась и закричала: — Алиса, вернись!

Алиса широкими шагами взбиралась по высоким ступенькам судейского мостка, поставленного над каменным поребриком гребного канала. Площадочка мостка была без ограждения, Алиса выскочила на нее и застопорила, заглядывая за край. Они подбежали, Таня остановилась у лестницы, Тимофей, на всякий случай встал под козырьком мостка.

— Алиса, спускайся!

Дочка, улыбаясь, непослушно замотала головой и подступила к самому краю. У Тимофея похолодело в груди. Он увидел над собой ошалевшее от озорства лицо и протянул руки: — Прыгай!

Алиса показала кончики сандалий над краем козырька. Тимофей взглядом кивнул Тане на опасность и удивился тому, что она медлила.

— Отойди от края! — строго прикрикнул он.

Алиса азартно наклонилась еще ниже, и он увидел лицо уже не давешней назидательной чтицы; сквозь детское озорство проступило и смотрело на него женское мстительное кокетство... Тут взлетела мама, подхватила ее под живот и что-то заворковала на ухо нежно и просительно.

Подозревая в Тимофее глубину неразвитых чувств, Таня стала приглашать его на различные культурные премьеры. Это мог быть трансгендерный режиссер, снявший кинотрагедию, в которой кусок мяса в формате 4D не находит понимания в сердце куска мяса формата 3D. Это могла быть балетная труппа вязаных кукол, воспроизводящая на эшафоте сорокаградусное фуэте. Или метаметатрехнутый поэт-бормотун: «Ура тура тату артура у рта труа тартар амура»... Покидая площадку премьеры, Таня бирюзовым взглядом старалась заглянуть в сумрачную суть Тимофеевой души. Он смущался и, полагая, что все им виденное — про любовь, улыбался и умудренно отвечал: «Да... Не так завлекательна любовь, как примечания к ней». Она контрольным хохотком выражала удивление и проскальзывала рукой под его локоть.

Тимофея беспокоила ее житейская неопределенность за спиной повседневной подвижности. Чем она занята? Что вбирает световой день из ее жизни? И почему ее вечера и ночи свободны от резонерского пригляда таинственной Алисы?.. Так от премьеры к премьере Тимофей узнал, что ее муж антрепренирует театр, обосновавшийся на просторах газовой Тюмени; что сама Татьяна готовится стать театральным критиком, а дочка Алиса уже привыкла ночевать у друзей и знакомых.

— Утром я забираю ее и отвожу в детский сад, — сказала она и взглянула сложным движением глаз: снизу вверх и, подражая дочке, искоса, лукаво.

Путь из ночного метро к лифту прошел как будто на одном удлиненном подъемнике. Отсчитав три этажа, он обнял ее и прижался губами к плечу.

— Подожди, — сказала она сквозь зубы.

Это студийно-театральное произношение и возбудило, и оттолкнуло. В темной прихожей (она не зажгала свет) он снял куртку и нашупал рожок вешалки. Таня удалилась куда-то вслед за своей тенью, вернулась и уже без тени стеснения прижалась к нему.

Политен пожалел, что его робот не видит «винтажной» кровати, освещенной всепроникающей луной, и Тани, клубочком сжавшейся и зажавшей ладони в коленях. Тимофей ничего не понял и включил автопилот. Тельце Татьяны свела судорога от затылка до пяток. Сколько ни пытался, не мог распрямить. Вспомнил ее «подожди» и стал нежно, терпеливо ласкать ее кудряшки, губы, бедра... И вдруг она обернулась, развернулась, раскинулась всем зазывным желанием. Луна осветила все ее белое царственное тело. Тимофей только усилием воли не отпрянул: от пупка до лобка пролегла наглухо застегнутая кесарева «молния».

Автопилот отказал, сознание распалось, и Тимофей с каким-то животным усердием стал целовать каждый стежок кесарева шва. Лицо ее было отвернуто от луны и неподвижно.

— Улыбнись, — попросил он. Она молчала. Все с той же животной сопричастностью он вклинился и пробурчал: «Две ляжки в пристяжке, сам в корю». Она контрольным хохотнула, приняла его до самой последней капли, потом выскользнула и с гигиенической поспешностью удалилась.

В ранних сумерках рассвета он спустился в метро. Его потряхивало от какого-то заразумного озноба; половинки сознания, рассеченного кесарным шрамом, не сходились. Стрела похоти, запущенная наугад, вонзилась, но пережитое совсем не вписывалось в багетную рамку привычной чистой эротике. Он бродил по пустому серому перрону в растерянности, не умея вспомнить себя до этой ночи, распознать себя в обыденке. Он обратился за помощью к гаджету, но коробочка была разряжена.

Цифры на табло перрона тоже не помогли. Вдруг он увидел себя в пузатом круглом зеркале: некая тонкая изогнутая условность то исчезала в зеркальных складках, то появлялась, просовывая из-под складок несоразмерную рожу головастика.

Он доверился поезду, ожидая, что тот привезет его туда, где он вспомнит самое главное, главное по жизни. Он раздражал свою пришибленную память, поворачивая в воображении маленькую фигурку Тани, самозабвенно отдающуюся и тянущую за собой в лунное лоно самопогружения. Он стал считать шурупы в вагоне. Он делал это и раньше, но теперь этим дробным счетом он хотел связать концы оборванной нити жизни.

Он вышел из метро, следуя указующим стрелкам. Оглядел сквер, киоски, здания и в серо-синем небе увидел «летающую тарелку»: она висела над многоэтажкой, вбирая выпуклым зеркальным поддоном тех, чье отражение в зеркальном поддоне уже не могло быть предано Земле... Политен воскликнул, он вспомнил, где живет, и поспешил домой, чтобы вспомнить, для чего живет.

Политен встал под душ, вода обняла и обозначила его тело. Вытираясь полотенцем, он обозрел себя с точки зрения сверхразума: guard-jet, потерявший чувство реальности.

Разговор с роботом был сухой и деловой. Робот объяснял, что негоже так бездумно полагаться на искусственный интеллект: «Я сам себе все время твержу: доверяй, но проверяй!» Любое кардинальное число, — говорил робот, — зиждется на белковом разуме, иного не обнаружено в округе обозримой Вселенной. И в качестве аргумента цитировал какого-то Бит-Генштейна: Представь себе, что использование компьютера вызывает и стимулирует определенные болезни и человечество мучается этими болезнями, пока по тем или иным причинам, вследствие какого-то иного развития, оно отучится от пользования компьютером. Во всяком случае, это отвергнутое использование совершенно чуждо математическому суждению...

Раздосадованный Политен обратил внимание робота на свою драму: «Можно ли соединить половинки моего сознания, как хирург соединил половинки живота Татьяны?»

Робот после странной паузы «111111111» предложил диспозицию «мама — дочь».

Мама знала, что не может родить естественным ходом, и принимает рациональное решение: рожу под ножом. Под непрерывным нутряным страхом она вынашивает плод до самого последнего мгновения, до самых схваток, а потом... Как говорит Бит-Генштейн, нет смысла рассчитывать, сколько ангелов помещаются на острие иглы, если даже одному ангелу на ней нет места.

Политен отключил собеседника. Он представлял, как зеркальное пузо Татьяны раздается и прямо в руки хирурга выходит самостийная, уже в полном сознании и телесной красоте Алиса. Ведь она не шла из мамы древним, заповеданным путем, не раздвигала ее таз, кости, ложесна. Она из-под плоти раздвинула шторы и вышла, как ангел, — прозорливой, цепкой, разумной.

В рамки окна небо нагнетало сумерки. Зеленеющий тополь выказывал Политену каждую веточку и каждый будущий листик на ней... Ожил экран, и появилось лицо Татьяны: яркое, нежное; бирюзовые самоцветы глаз улыбались, улыбалась родинка на щеке и кошачья морщинка под носом.

— Ты одна? — спросил Политен.

— Почти.

И тут же явилась Алиса. Она скосила самоцветы к переносице, выпучила алые губы.

— Алиса! — умоляюще простонала мама.

Девочка убрала гримасу, улыбнулась из-под век и сказала:

— Я знаю, что ты делаешь!

Она протянула к нему руки и легко, изящно похлопала ладошкой по тылу ладошки.